

Будущее за идеологией многополярного мира

УДК 327.5:322.2

Сейчас мир переживает период бездуховности. Его важнейшей стороной является упадок идеологий, которые были главными двигателями истории в XIX–XX столетиях. Они нуждаются в серьезном обновлении. На смену однополярному миру и идеологии глобализации должна прийти эпоха многополярного мира. Каждый из укрепляющихся цивилизационных полюсов будет искать идеологическую опору своего государства (или союза государств). Наиболее вероятно, что идеологии полюсов будут своеобразными вариантами синтеза из традиционной духовности и элементов идеологии социализма.

Ключевые слова

Идеология, цивилизационная теория, дух капитализма, марксизм для незападных цивилизаций, «свобода от» и «свобода для», идеологии объединяющие и разделяющие.

Автор

Волконский Виктор Александрович — главный научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, профессор.

*Окончание.
Начало см. в № 4/2015,
с. 134–142*

Причины упадка идеологий

Преодоление современного духовно-идеологического кризиса скорее всего начнется с создания и утверждения новой идеологии и обновления старых. Сейчас именно здесь возникают новые смыслы, а не в искусстве и культуре, как в эпоху Ренессанса. Идеология — это только интеллектуально-мыслительная конструкция. Это еще не обновление всей духовности общества. Но как говорили Исаия и Иоанн Предтеча: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Богу» (Исаия 40:3, 4). Задача интеллектуального сообщества — создавать идеологию.

Мелкие акционеры давно потеряли возможность играть самостоятельную роль в принятии стратегических решений.

Одной из важных причин ослабления великих идеологий XX в., видимо, является беспрецедентное ускорение хода истории, особенно в последние десятилетия. Быстро меняется не только ее «ландшафт» (сцена). Меняются и субъекты (акторы). В XIX столетии главными актерами истории были крупнейшие государства, церкви (или другие конфессиональные организации) и тайные общества (наиболее известные — масоны и иллюминаты). Во второй половине века особую роль начинают играть классы, осознавшие себя как субъекты истории с определенными интересами и оформившейся идеологией («классы для себя»). В результате разных исторических процессов, но в значительной мере благодаря успехам наук об обществе и созданию трех доминирующих идеологий — национализма, либерализма, коммунизма, заряженных великой историче-

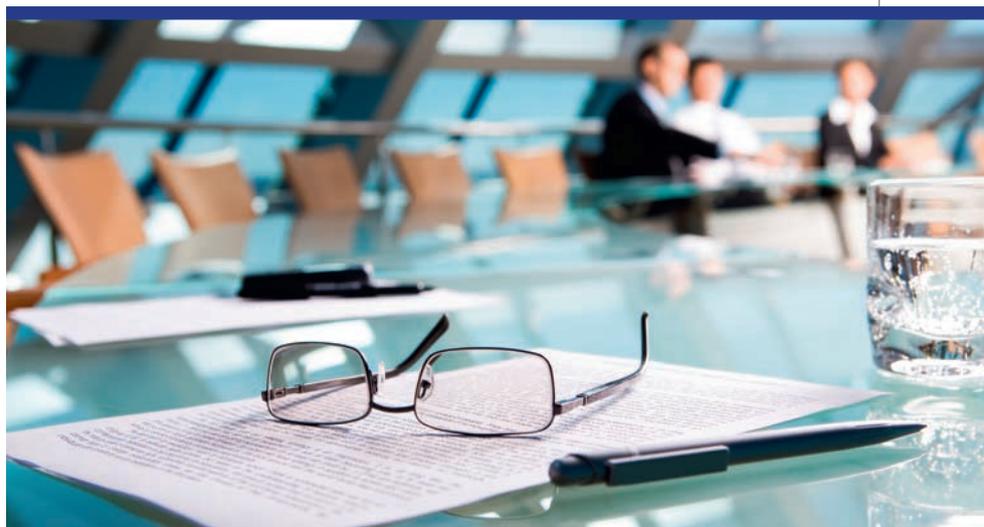
ской энергией, XX в. стал веком интеграции, концентрации множества субъектов в три мировых субъекта, или полюса: полюс капитализма, социализма и фашизма. XX в. стал веком противостояния этих полюсов и страшных мировых войн (горячих и холодных) между ними. Каждый представитель рода человеческого мог отнести себя к одной из этих идеологий-религий и смотреть на историю через построенную в ее рамках «систему линз и зеркал».

В отличие от предшествующих столетий сегодня знания ученых людей не успевают кристаллизоваться в более или менее стабильную теорию, подобную марксизму или теории цивилизаций. Правда, социологи из секретных и несекретных лабора-

декларируют и не афишируют общеисторических или общедуховных смыслов и целей, во имя которых они работают.

Если в ходе исторического развития меняются устройство общества, его проблемы и противоречия, а идеологи не успевают своевременно модифицировать, модернизировать идеологию и теории общественного развития, лежащие в ее основе, идеология теряет свою энергию. Постепенно от нее может остаться только безжизненный догматизированный остов. Такой процесс многократно имел место в периоды ослабления великих империй: в пределах Римской империи возникали христианские общины и секты, близкие к христианству; в СССР любовь к С. Есенину, Н. Рубцову, В. Высоцкому завоевывала официальное признание. Сейчас в России в интеллектуально-идеологической сфере в значительной мере уже произошло «засыхание», «отслоение» либеральной идеологии (партии прозападных реформаторов не набирают больше 5–7% голосов). Хотя официальная идеология продолжает оставаться прозападной, антисоветской и либеральной.

Социалистическая система (сначала в СССР, теперь в Китае и других странах) заимствовала и «ас-

симилировала» многие институциональные принципы и механизмы капитализма. Также и в капиталистических странах заимствовали принципы и институциональные «открытия» социализма. Это относится к институтам плана и рынка, роли государственной собственности, системы социального обеспечения и пр. В результате категории социализма и капитализ-

от них фирмами и предприятиями, образуя «гроздьевые структуры». Идут процессы, названные структурированием рынка. При описании и анализе чаще используют не понятие «собственность», а более широкое понятие «контроль». Благодаря многообразию форм экономической и социальной зависимости или согласованности действий резко возрастают возмож-

Мелкие акционеры давно потеряли возможность играть самостоятельную роль в принятии стратегических решений. Крупные компании, которые являются главными субъектами экономического и технического развития, имеют одинаковую организационную и мотивационную структуру как на Западе, так и на Востоке. Их деятельность и эффективность существенно не различаются в зависимости от того, являются они государственными или частными.

Для среднего человека проблемы, с которыми он сталкивается ежедневно на практике, острее и важнее, чем далекие мировые реалии, показанные ему по телевизору.

ма размывались, теряли определенность. Если рассматривать институциональную сферу как с теоретической, так и с практической точки зрения, то можно согласиться с таким выдающимся экономистом, как нобелевский лауреат Дж. Гэлбрейт, который был убежден, что идет процесс конвергенции социализма и капитализма.

За полтора-два столетия со времени создания классической политэкономии в результате технического и экономического прогресса резко преобразилась институциональная структура экономической системы. Нуждается в серьезном обновлении вся теоретическая картина экономической системы, то есть научная база как капиталистической, так и коммунистической идеологии. Приведем некоторые примеры. Трансформировался институт собственности. Юридическое право собственности распадается на множество правомочий. Возникает масса юридических не оформленных типов зависимости, аффилирования, включая неформальные (в частности, межличностные) связи. Крупные компании обрастают многочисленными мелкими и средними зависимыми

ности скрывать эти отношения от контроля со стороны государства и общества. Этому в большой мере способствует принцип коммерческой тайны, который наряду с частной собственностью либеральная идеология считает незыблемым.

Изменения институтов привели к преобразованию классовой структуры общества, к изменению облика основных классов и их роли в обществе.

После появления в 1933 г. работы А. Берла и Г. Минца «Современная корпорация и частная собственность» [6] стало общепризнанным отделение собственности крупных корпораций от их управления. Произошел отрыв слоя собственников, то есть тех, кого принято считать капиталистами, от слоя менеджеров — тех, кто управляет компанией и кого Дж. Гэлбрейт называл техноструктурой компании, а при обсуждении корпоративных отношений именуют обычно инсайдерами. Жизнь собственников, их интересы и стремления переместились из сферы реального производства в сферу финансов, которая все больше сплавляется с политикой. Это касается, конечно, крупных собственников.

Дж. Гэлбрейт [7, 8] писал, что техноструктура (менеджеры) крупных корпораций идентифицирует свои цели и интересы с целями долгосрочного развития компании. Теперь именно инсайдеров с большим правом, чем собственников, можно считать носителями духа капитализма, для которых дело служит призванием и смыслом жизни. Однако они наемные работники. Поведение, цели, мотивации техноструктуры практически одинаковы как при капиталистическом, так и при социалистическом устройстве общества. При обеих общественных системах управленцы реализуют свой духовный потенциал в условиях противостояния — при социализме чаще с госчиновниками, при капитализме с собственниками.

Означает ли теоретическое и практическое сближение капитализма и социализма, что противостояние этих категорий и идеологий потеряло свое историческое значение? На этот

вопрос нельзя дать правильный ответ, если оставаться только в круге экономических и институциональных понятий и факторов. Их значение и противостояние вовсе не только в институциональной, а в первую очередь именно в духовно-идеологической, смысловой сфере. И. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1951) [9] определяет социализм не через господство общественной или частной собственности, не через наличие рынка или плана, а через цель, на которую ориентировано данное общество (в чьих интересах?). Капитализм — такой строй, который обеспечивает максимизацию прибыли держателям капитала. Социализм — такой строй, который направлен на «максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей членов общества». Он понял, что идеология — это не функция от производительных сил и производственных отношений, не «надстройку», а нередко главный двигатель истории. В эпоху информационного общества в этом трудно сомневаться.

Соответственно, это объясняет оживление интереса к марксистскому учению в последние годы, хотя много его описания и выводы очевидно устарели. Он показывает, что кроме стремления к материальному благополучию и богатству, которых капитализм достигал за счет конкуренции, для человечества вполне реалисти-

ческой и достижимой является цель построения справедливого общества, общества, в котором сотрудничество будет важнее конкуренции и принцип справедливости не будет противоречить принципу развития. Ю.Я. Ольсевич в коллективной монографии [10] приводит слова Папы Римского Иоанна Павла II (1993 г.): «Коммунистическую идеологию нельзя огульно отрицать, не признавая за ней некоего ядра истины. Благодаря этому ядру истины марксизм смог стать притягательной реальностью для западного общества». Капитализм изменился «в основном благодаря социалистической мысли», которая породила такие «социальные амортизаторы», как профсоюзы и контроль со стороны государства. Глава католической церкви понял значение марксизма для истории лучше, чем многие последователи этого учения. Человечеству необходима вера в светлое будущее. В этом социалистические идеи являются продолжением, «разверткой» христианства в сферу социально-экономических проблем.

Главное изменение экономической и политической картины мира, требующее обновления марксистского учения и идеологии социализма, состоит в перемещении сравнительной остроты и важности противоречий и проблем истории из внутривосточной, межклассовой плоскости в межстрановую. Это проблемы, связанные как с политэкономическими, так и с культурно-цивилизационными факторами и отношениями. Спор марксистов о том, может ли марксизм обойтись без «цивилизационного подхода», развиваясь на основе единого для всего человечества «формационного подхода», решен историей. Равно необходимы оба.

Теперь слишком сильно политическое, финансовое, концептуальное влияние друг на друга

различных цивилизационных полюсов, особенно влияние западного Центра. Так что основные проблемы современного мира неразрешимы в рамках одной страны (как это было на заре развития капитализма). Для среднего человека проблемы, с которыми он сталкивается ежедневно на практике, острее и важнее, чем далекие мировые реалии, показанные ему по телевизору (которому он, кстати, не очень и доверяет). Поэтому в практике формирования текущей политики, в ее концептуально-информационном обеспечении на первый план выходят проблемы внутривосточные, которые необходимо решить в заданных рамках мировой политэкономической системы. Однако при формировании идеологии и духовности на длительную перспективу, предназначенных для преодоления глубинных причин (а не только поверхностных симптомов) болезней, даже имеющих вид «национальных особенностей» страны и ее истории, необходимо прежде всего опираться на представление о будущем всего мира. Это является обоснованием неизбежности и желательности преобразования идеологической альтернативы *капитализм — социализм* в альтернативу *глобализм — многополярный мир*.

Должна начаться эпоха поиска смыслов

Духовный кризис обозначает смену эпох, точку бифуркации, перелома исторической траектории. Каковы важнейшие признаки современного перелома, смены эпох? Наиболее наглядный и бесспорный в геополитике и геоэкономике — конец однополярного мира (ОПМ) и возникновение многополярного мира (МПМ). За первое десятилетие XXI в. показатель ВВП на душу населения лидирующих стран Запада повысился на 8–10%. Этот же показатель для лидеров незападных цивилизационных полюсов (Индия, Рос-

сия, Иран) увеличился за тот же период на 60–80%. В Китае он вырос в 2,5 раза. Согласно исследованию ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), к 2016 г. Китай по объему ВВП обгонит США. В период подавляющего превосходства Запада в экономической и политической сфере элиты остальных полюсов были в значительной части ориентированы на западные ценности, озабочены стремлением встроиться в однополярную капиталистическую систему, развитие науки, культуры, философии тормозилось утечкой мозгов.

С возникновением «противовесов» западному Центру появится возможность и настоятельная потребность создавать для каждого цивилизационного сообщества экономико-политические механизмы *разумной автаркии* и свою объединяющую духовность и идеологию (в первую очередь на основе традиционных культур и религий и элементов социалистической идеологии), а также идеологические и институциональные механизмы предотвращения и мирного разрешения межцивилизационных конфликтов.

Финансовая и экономическая открытость периферийных экономик, значительно более бедных по сравнению с западными, делает их беззащитными перед непредсказуемыми колебаниями спроса и мировых цен на товары и финансовые активы, которые определяются изменениями геополитических условий и спекулятивных стратегий финансово-политических групп. Эта непредсказуемость лишает периферийные экономики возможности выстраивать собственную суверенную стратегию развития (в частности, стратегию модернизации экономики, требующую разработки долгосрочного плана поэтапного изменения структуры хозяйства и общества), обрекает на роль

спутников западного сообщества, вынуждает постоянно реагировать на события, происходящие в развитых странах.

Признаком «смены парадигм» в сфере естественных наук можно считать накопление научных экспериментальных данных о парапсихических и мистических феноменах и теорий об их материальных носителях, в сфере общественных наук — оживление интереса к политэкономии и марксизму, к их обновлению.

Необходимы общие понятия, позволяющие изучать и сопоставлять роль религиозных и научных (материальных) феноменов в единой системе категорий.

Экономическая цивилизация и капитализм сузили набор целей и ценностей в жизни человека до одного точно измеримого показателя — до оценки его богатства на фондовом рынке.

В философии эта задача определена, и такая работа проделана в значительной части Мартином Хайдеггером и остальными экзистенциалистами (главное понятие — *Sein*, «бытие»). Может быть, для современного российского общества более приемлемо понятие «духовность». Обновление политэкономии, несомненно, нуждается в учете воздействия на общество духовности, в частности идеологии. Идеология должна дать базу для ответа на вопрос: какого будущего, какого устройства общества мы хотим?

Наиболее наглядная и важная тенденция, несущая как опасности, так и надежды для будущего всего человечества, — это переход в сфере геоэкономической и геополитической от однополярного к многополярному миру. Чтобы этот переход не привел к новым войнам и ката-

строфам, необходимо признать, что мы (человечество, духовно-интеллектуальное сообщество) недопустимо мало знаем о самих себе, о духовной жизни человечества. Следует отдавать себе отчет в том, что в последние столетия значение этой сферы жизни катастрофически недооценивалось и это привело к нарастанию угроз самому существованию людей.

Экономическая цивилизация и капитализм сузили набор целей и ценностей в жизни человека до одного точно измеримого показателя — до оценки его богатства на фондовом рынке. Рост ВВП, вместо того чтобы быть средством для увеличения «цветущей сложности»

жизни, стал главной целью общества. Великий талант Фридрих Ницше героизировал и «освятил» философской санкцией освобождение человека от всех добродетелей, кроме одной — *воли к власти* («чтобы легче было идти через мост» — к сверхчеловеку). Но ницшеанский герой стал не сверхчеловеком, а *одномерным человеком* Герберта Маркузе.

Современная экономическая, политическая, идеологическая система устроена так, что каждый человек и каждая нация вынуждены напрягать все силы, стараясь не отстать от других, обогнать их в объемах производства и потребления, в получении богатства, достижении определенного статуса в обществе. Хочешь ты этого или нет, ты не сможешь уклониться от участия во всеобщем соревновании. Когда толпа бежит, ты тоже вынужден бе-

жать с ней вместе, иначе тебя за-топчут. И элиты многих периферийных стран, зависимых от США и «финансового интернационала», мечтают о том, чтобы их «засосало в воронку» такого одномерного развития, в это колесо кармы.

В древности пророки и мудрецы указывали только один путь освобождения из этого круговорота — аскетизм и отшельничество. Аскеты и отшельники проложили путь к мировым религиям.

Возникновение многополярного мира и выход на арену истории стран с современным уровнем экономики, но с иными духовными традициями и установками дает шанс человечеству найти более достойные смыслы, цели и пути развития. Отождествление развития с экономическим ростом, в лучшем случае с научно-техническим развитием, может быть рациональным только как средство расширения материальных возможностей человека. Если же оно ста-

новится доминирующей целью и заслоняет, подавляет все иные смыслы бытия, то это вовсе не возвышение человека, не расширение его возможностей, не увеличение богатства жизни, а, наоборот, обеднение и сужение его бытия. Это давно поняли философы (обзор дискуссий о категории развития см., например, в [11]).

Человек обладает огромным набором способностей. И каждая из них может быть основой специального направления *развития*, поскольку в человеке заложено стремление к совершенству, которое для многих становится смыслом и главной духовной основой существования. История много раз доказывала неизбежность смены «сверхценного», одномерного направления неожиданно возникавшими новыми ветвями на дереве смыслов развития. Вспомним в качестве примера, как в XVII–XVIII вв. в центре Европы, поглощенной междоусобными войнами, в атмосфере первоначального капиталистического накопления су-

ровую Германию вдруг охватывает всеобщая страсть к музыке. В каждом доме вечерами играет маленький семейный оркестр, появляются все новые композиторы. Большинство из них потомки не помнят, но появились и величайшие вершины, формирующие само понятие человеческой культуры. Категория *развития* необходима, чтобы история имела смысл. Но его простое и однозначное определение — это только временное явление, счастливая историческая случайность.

Человек обладает огромным разнообразием способностей и возможностей. И потому радикальные традиционалисты, требующие неперменного возвращения к прежним смыслам и символам, заслуживают уважения и часто восхищения, но они только часть, лишь одна сторона сложнейшей системы, называемой *Человек*.

Противостояние «одномерной» глобализации

Глобализационное направление, несомненно, еще долго останется мощным противником нового МПМ как в сферах экономики и политики, так и в духовно-идеологической, смысловой сфере. В конечной победе этой новой тенденции нет стопроцентной уверенности. Тем более трудно дать мало-мальски надежный прогноз духовно-идеологической картины будущего МПМ. Ниже будут приведены некоторые соображения на этот счет на основе анализа абстрактно-теоретических факторов и различий между западноевропейским и русским (православным) мироощущениями и ценностными установками. Многие особенности таких отличий российской цивилизации от современного Запада характерны и для других незападных цивилизационных полюсов. Сначала приведем описание (как нам представляется, не встречавшее серьезных возражений) разли-

чий между духовно-психологическими чертами и ценностными установками.

Различия западноевропейской и российской цивилизаций

Апологет западной культуры О. Шпенглер пишет: «Жизнь важна постольку, поскольку она есть *деятельность*... Фаустовский инстинкт требует терпимости, то есть *пространства* для собственной деятельности. Но *только* исключительно для нее... Воля к власти, также и в области нравственного, стремление придать своей морали всеобщее значение, принудить человечество подчиниться ей, желание всякую иную мораль переиначить, преодолеть, уничтожить: все это самое наше собственное достояние... Кто иначе думает, чувствует, желает, тот дурен, отступник, тот враг. С ним надо бороться без пощады» [12].

Западный человек воспринимает мир разделенным на «мое» и «не-мое», то есть неупорядоченное, хаотическое, куда должен быть внесен порядок, «мой» закон, «цивилизованность» и т.п. Сделать своим — значит покорить, подчинить, *навязать свое видение мира*, сделать для меня управляемым, манипулируемым. Восточный человек больше доверяет установившемуся традиционному или божественному порядку (если речь идет о мире в целом). Его главная цель — установить не свой личный (именной) порядок, а общий (анонимный) нравственный закон.

Ниже приводятся выводы, полученные на основе психологического обследования и сопоставления больших групп американских и русских студентов и описанные в книге К. Касьяновой [13]. К сожалению, это великолепное исследование малоизвестно в России. Выводы К. Касьяновой подтверждают констатации Н. Данилевского, О. Шпенглера, Н. Бердяева.

Запад написал на своем знамени: «Свобода для индивида». Имеется в виду свобода от внешних ограничений. Есть «мое» и «внешнее», и внешнее меня не интересует («Это ваши проблемы!»), точнее, интересуется только как материал или как препятствие для того духа, того разума, который только я могу внести. Это общее мироощущение порождает отношение людей западной цивилизации к «традиционным» обществам и представителям их народов, которое часто бывает ближе к заповедям раввинов — составителей Талмуда (не считать

«репрессированы действия, направленные на достижение личных целей, и поощряются действия, способствующие поддержанию социального целого» [11, с. 167, гл. 11] (например, трудового коллектива лаборатории или предприятия). Европейец сказал бы, что мы слишком много времени и сил тратим на «выяснение отношений», что это идет в ущерб производственным или научным достижениям. Но в том-то и дело, что для нас отношения в коллективе, вопросы нравственности, наш «социальный космос» важнее этих достижений.

гоев за людей), чем к христианскому «нет ни эллина, ни иудея». В противоположность этому православная ментальность в значительно большей степени сохраняет потребность входить «в чужие проблемы», искать «истину», «правду», общую как для «меня», так и для «внешней» стороны, и строить отношения на общих принципах морали [11, с. 180–184, 228–229].

К. Касьянова констатирует, что в русской культуре в значительно большей степени, чем в западной (чем у американцев),

Общественное дело по-настоящему ценится нами, только если отсутствует личная выгода, личная заинтересованность. Часто получается, что мы суемся в чужие дела, а свое собственное дело не делаем. Если для западного человека важнейшим двигателем служит самоутверждение, то высокая ценность христианского *смирения* в православной культуре (сохранившаяся в современной нашей системе ценностей), по выражению Н. Бердяева, «означает внутренний духовный акт *преодоления эгоцентризма*». Человек дей-

ствует не ради утверждения собственной личности, а ради утверждения правды, общего закона. Мы природные социалисты и коллективисты.

Христианство, как западное, так и восточное, признает высокой ценностью свободу личности. Для либеральной западной традиции общество, коллектив, государство обладают ценностью лишь постольку, поскольку они обеспечивают свободу и реализацию личности. Восточная традиция акцентирует внимание на содержании свободы. Сама по себе свобода пуста, бессодержательна. Содержание (интересы, проблемы) личности, если использовать понятие теории множеств, есть «пересечение» содержаний тех групп, общностей, к которым она принадлежит, точнее, к которым она себя относит. Для большинства людей основное значение имеет принадлежность к семье, коллективу соседей или сослуживцев, к родной стране, долг перед государством. На Востоке эти общности выполняют гораздо больше функций, имеют больше обязанностей перед индивидом. Человек привык больше функций и прав делегировать власти и лидерам. Социализм в противоположность либерализму признает приоритетной ценностью народ, общность единомышленников, трудовой коллектив, отечество, государство, человечество.

Человек, который живет только для себя или только для своей семьи (как положено западному «экономическому человеку»), с точки зрения русской традиции убог и ущербен. Американская мечта — собственный дом, машина, дерево перед домом. Этот идеал не вызовет у русских ничего похожего на ту самоотверженную преданность делу, тот взлет социальной энергии и героизма, которые демонстрировал российский народ в лучшие периоды своей истории.

Идеологии объединяющие и разделяющие

Важнейшим явлением в развитии смысловой, духовно-идеологической сферы стало утверждение европейским модерном идеи прогресса. К концу XX в. после работ Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Льва Гумилева появилась теория цивилизаций и заняла подобающее ей место в качестве одного из краеугольных камней духовно-идеологической сферы.

Категория развития необходима, чтобы история имела смысл.

Возможность жить на родине, в атмосфере национальной культуры, соблюдать традиции веры отцов, стремление восстановить справедливость в обществе — это примеры таких нематериальных, неэкономических ценностей, ради которых не только психологические или национальные меньшинства, но и абсолютное большинство народа часто бывает готово выбирать более низкий уровень благосостояния и даже рисковать жизнью собственной и своих близких. Описание духовных, смысловых, ценностных систем у разных народов и в разные исторические периоды убедительно доказывает, что противоречие между концепцией бесконечного материально-технического прогресса и картиной разнообразия жизненных смыслов — это вовсе не надуманная, не второстепенная, а вполне насущная проблема. Проблема, которая скорее всего будет становиться все актуальнее и острее по мере обретения человечеством возможности удовлетворять свои первоочередные физиологические потребности.

Теория цивилизаций делает особенно наглядной множественность целей, идеалов, ценностных систем, каждая из которых

несет свою часть «всеобщей истины», «общечеловеческих ценностей», добра и справедливости. Чем же руководствоваться тому, кто хочет разобраться в этой великой сокровищнице исторического опыта, чтобы отыскать (сконструировать?) новый, более разумный, убедительный, привлекательный синтез? Надо проследить эволюцию интересующих нас идей, духовных установок на протяжении длительного исторического периода.

Сейчас одним из первых по важности становится противостояние идеологии глобализма и тенденции к формированию МПМ. Чтобы дать сравнительную оценку этих двух тенденций и этих идеологий (скажем, с точки зрения устойчивости системы, называемой человечеством), введем следующие обозначения:

- 1) *объединяющая идеология* — с установкой на единство человеческого рода;
- 2) *разделяющая идеология* — с установкой, выделяющей некоторую часть человечества как более ценную, более жизнеспособную, высшую.

В экономической, политической институциональной сфере развитие в целом шло в направлении установления все более прочных и далеких торговых и производственных связей, создания обширных государств, империй и межгосударственных союзов. Это способствовало взаимопроникновению культур и религий, взаимообмену идеями и технологиями между регионами. В развитии объединяющей идеологии (и духовности) важнейшим событием было возникновение мировых религий, особенно монотеистических — христианства и ислама. Различные варианты социа-

листической идеологии, периодически активизирующиеся на протяжении истории, включая марксистское учение, по целям, конечному смыслу и пафосу, несомненно, относятся к *объединяющим идеологиям*. Марксизм по целевой ориентации является наследником христианства, его «разверткой» в социально-экономическую сферу.

Наряду с этим периодически возникали или активизировались религиозные и идеологические концепции, объявлявшиеся единственно истинными, а сообщество, выделенное по тому или иному признаку, провозглашалось наиболее ценной частью человечества и противопоставляло себя остальным

Мы природные социалисты и коллективисты.

членам человеческого рода. Это идеологии элитарные. Они признают ценностью только элитную часть человечества и ее достижения. Разрыв между элитой и большинством считают явлением нормальным, а иногда и желательным (чтобы массы не тормозили движение элиты к вершинам совершенства). Ее лидеры часто держат свои глубинные цели и смыслы в тайне даже от большей части своих приверженцев.

Такие представления нередко вызывали подъем пассионарной энергии.

К разделяющим идеологиям надо отнести талмудическую интерпретацию учения об избранном народе (до нынешнего момента разделяемого в том или ином теоретическом оформлении значительной частью евреев). Это учение оказало влияние на Кальвина и его доктрину предопределения (спасение или гибель человека определены предвечным решением Бога и не зависят от дел человеческих).

В эпоху колониализма сформировалась расовая идеология, в XIX–XX столетиях получившая обоснование в научных исследованиях и наиболее страшное практическое воплощение в германском нацизме, а также законодательно закрепленных в США и ЮАР рабстве и дискриминации негров и других пораженных народов.

Идеологию капитализма как фундамент системы, обеспечившей мощный скачок в развитии коммерческих, производственных, информационных связей, можно назвать объединяющей, но только в институциональной, материально-прагматической сфере. Такие принципиальные черты этой идеологии, как сти-

мулирование конкуренции, жизненная установка на достижение личного успеха, неприкосновенность частной собственности, политический и экономический либерализм (теперь — глобализм) направлены на разрушение традиционных ценностей и смысловых «скреп», служащих объединяющими факторами для национальных культур и государств, опорой для принципов верности, чести, правдивости, препятствующих классовому и духовному разрыву между элитой и большинством населения. Поэтому в духовно-идеологической сфере идеология капитализма и глобализма является разделяющей.

Диалектика объединяющей и разделяющей тенденций особенно драматично реализовалась в судьбе коммунистического и социалистического движения и первой страны социализма. Изначальный смысл коммунистического идеала общественного устройства — преодоление раскола общества на враждующие классы, дробле-

ния его за счет придания высшего приоритета принципу частной собственности, отчуждения элиты от народа — от участия в истории. По глубинным целям и смыслам это, несомненно, объединяющая идеология. Но господствующие классы, капиталистическая олигархия, естественно, не собирались уступать экономическое, политическое, идеологическое господство без борьбы, и борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Идея достижения светлого будущего, преобразования ветхого старого мира в новый породила когорту пассионариев — пламенных революционеров. Но в процессе реализации объединяющей идеологии коммунизма образовались новые расколы, сначала внутривосточные, а после создания социалистических государств межстрановые. Результатом стало углубление разделяющих аспектов в идеологии как охранителей традиционного строя, так и коммунистов. Кульминационным пунктом явилась Вторая мировая война. По нашему мнению, глобализацию можно считать новой фазой капитализма, а идеологию многополярного мира можно рассматривать как развитие, адаптацию к новым условиям идеологии марксистского социализма, как идеологию большинства, противостоящую его отделению, отчуждению его от истории и прогресса, которая «вырастает» из марксистского социализма так же, как марксистский социализм «вырастает» из идеологии христианства.

Чем дальше, тем очевиднее становится, что проект глобализации по-американски в духовно-идеологической сфере тер-

пит неудачу (как, впрочем, и все прежние попытки установления единой, универсальной духовности для всего человечества).

Эпоха многополярного мира может представляться шагом назад в процессе объединения человечества по сравнению с эпохой однополярного мира и глобализацией. Однако это относится только к институциональной сфере. В сфере духовно-идеологической новая эпоха будет эпохой поиска смыслов, не обязательно универсальных, но способствующих развитию духовного разнообразия и взаимного обогащения цивилизаций.

Видимо, для этого человечеству придется сделать «шаг назад» от опасностей и исторических тупиков, выявившихся в последние столетия, «назад» к восстановлению главной черты традиционных обществ — преобладания межличностных и духовных отношений и ценностей над ценностями материальными, надличностных смыслов бытия над интересами индивида, приоритета принципа «общее выше

частного». А чтобы пассионарные взрывы не вели к войнам, в новой идеологии должна быть заложена идея о высокой *ценности разнообразия*. (Константин Леонтьев вдохновенно писал об эпохах «цветущей сложности».)

Поиск возможностей для сотрудничества и взаимопомощи, а также защиты духовных основ своего сообщества обусловил определенную функцию государства — деятельность политиков и идеологов. Основой этой деятельности служит подготовленная развитием культуры и религии способность людей разных наций и мировоззрений услышать, понять, по достоинству оценить доводы и цели другого — своего или чужого не только друга, но и врага, умение поставить себя на его место, осознать мотивы и смыслы его деятельности. В культурологии возможность перевоплотиться в представителя иной культуры, чтобы правильно понять ее смыслы, называется *герменевтикой*. В период многополярного мира метод герменевтики должен стать доминирующим. Как показывают исследования психологов, способностями к восприятию и пониманию иной духовности русские наделены в большей мере, чем люди западной культуры. Не случайно система Станиславского, которая учит актера вживаться в образ, возникла на почве рус-

ской культуры. Всечеловечность русских, о чем говорил Ф. Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи, — это тот главный капитал, который русская культура приносит в духовную копилку человечества. ■

ПЭС 13018/28.01.2013

Источники

[1] – [5] см. в № 4/2015, с. 142.

6. Berle A., Means G. The modern corporation and private property. New York: Macmillan, 1933.

7. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

8. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

9. Сталин И.В. Экономические проблемы в СССР: Собр. соч. Т. 16. М.: Писатель, 1997.

10. История экономических учений: современный этап: Учеб. // Под ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 688

11. Рашковский Е. Что же такое развитие? (Заметки историка) // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12.

12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск: Попурри, 1998. С. 495, 499, 541.

13. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994.

The Future is Connected With a Multipolar World Ideology

Victor Volkonsky

The world is now experiencing a lack of spirituality. The most important aspect of this period is decline of ideologies that have been the main history drivers in the XIX–XX centuries. They require serious updating. In place of the unipolar world and globalization ideology should come an era of multipolar world. Each of the strengthening civilization poles will seek ideological support for their own state (or union of states). Most likely, the poles' ideologies will represent a kind of synthesis of traditional spirituality and the elements of socialist ideology.

Keywords: ideology, civilizational theory, the spirit of capitalism, marxism for non-Western civilizations, "freedom from" and "freedom for", uniting and separating ideologies.